

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	42
Глава 4	60
Глава 5	80
Глава 6	102
Глава 7	122
Глава 8	140
Глава 9	160
Глава 10.	179
Глава 11.	198
Глава 12.	217
Глава 13.	238
Глава 14.	259
Глава 15.	279
Глава 16.	299
Глава 17.	318

Глава 18.	343
Глава 19.	362
Глава 20	382
Глава 21.	404
Глава 22	425
Глава 23	448
Глава 24	467
Глава 25	486
Глава 26	507
Глава 27.	528
Глава 28	547
Глава 29	572
Глава 30	594
Глава 31.	616
Глава 32	628
Глава 33	652
Глава 34	673
Глава 35	693

ГЛАВА 1

Это напоминало сюжет какого-то фильма — без надежды на успешный финал. Андрей стоял у самого края пропасти. В кожу впивались острые длинные шипы. Руки онемели от тяжести груза, который нужно было удерживать.

В такие моменты перед глазами проносится вся жизнь — с первой минуты и до последнего дня. Но в сознании всплыли лишь события, отсчет которым пошел с той страшной даты. Как много бы он отдал, чтобы вычеркнуть ее из жизни... Но случившегося не вернуть, не исправить, а любая надежда повернуть все вспять не более чем иллюзия...

* * *

Был обычный майский день 1992 года. Он вернулся из армии в родной Александровск, где прошло счастливое детство и отрочество. Два года армейской жизни тянулись долго и неторопливо, порой казалось, что момент возвращения никогда и не наступит. Сколько дней и ночей Андрей мечтал,

как переступит родной порог, обнимет маму и сестру, увидит первую и единственную любовь — Настю. Долгая разлука с любимой только укрепила его чувства. Правда, от нее не было писем в последний год, что не могло не беспокоить, но этому должны найтись разумные объяснения.

Андрей шел от железнодорожной станции к дому, и душа его пела от счастья, хотелось кричать от радости и делиться ею со всем миром. Вот старый, заросший тиной пруд, к которому они любили бегать с мальчишками. Квakanье лягушек в эти минуты казалось милым и даже вдохновляло, будто звуки торжественного походного марша. А заброшенная котельная, где они любили играть в войнушку, выглядела сказочным замком. Все вокруг было родным и до боли знакомым.

Но чем ближе он подходил к родному гнезду, тем тревожнее становилось на душе. Внешне все выглядело почти так же, как и два года назад: двухэтажный дом на шесть квартир — в одной они жили с матерью и сестрой, цветник у входа, старый турник. Но при этом какие-то нехорошие перемены произошли в этом милом сердцу уголке. Андрею показалось, что все как будто сильно обветшало за это время: штукатурка потрескалась и местами обвалилась, дверь в подъезд проржавела, окна выглядели неопрятными.

Он позвонил в дверь. Открыла сестра Алина. Сначала застыла от неожиданности, а потом радостно бросилась на шею брату. «Как выросла сестренка», — отметил про себя Андрей. В свои тринадцать лет Алина выглядела заметно старше сверстниц, хотя до его ухода в армию казалась совсем маленькой девочкой. Теперь она вытянулась, даже выглядела несколько неуклюже, словно стеснялась своего роста.

Он по привычке расположился в любимом кресле — как будто никуда и не уезжал. Стал расспрашивать сестру. Сначала, разумеется, про Настю. Алина потупила взор и, словно повторяя чьи-то ранее услышанные слова, сказала:

— Укатила твоя Настя в Москву со столичным хахалем.

Еще не осознав всю жестокость услышанного, он вспоминал трогательные моменты первого знакомства с Настей, когда ее родители переехали в Александровск из какого-то далекого сибирского города и она стала учиться с ним в одном классе. Их первое знакомство сложно назвать романтическим. Настя шла в школу, ее окружила стая бродячих собак. Девочка испугалась, заплакала — и тут рядом оказался Андрей. Он разогнал агрессивных псов. Настя тогда в порыве благодарности подбежала к нему и поцеловала в щеку, а спаситель почувствовал себя настоящим героем из культовых фильмов. Когда стало известно, что Настя теперь учится с ним в одном классе, радости Андрея не было предела.

Она сразу обратила на него внимание. Сначала была признательна за спасение, а потом благодарность переросла в нечто большее. Они стали искать встреч. Андрей часто ловил себя на мысли, что во время урока никак не может сосредоточиться — все время думал о ней. Похоже, так же было и с Настей. Однажды, набравшись смелости, он, смущаясь, пригласил девушку в кино на вечерний сеанс. Стоял перед ней растерянный, пунцовый, боясь, что ему откажут, не понимая, как в таком случае поступить. Однако Настя лучезарно улыбнулась — и с радостью приняла приглашение.

С того дня они стали встречаться, проводили вместе все больше и больше времени. Вскоре об их отношениях

узнали вокруг, Андрея и Настю называли красивой парой. К окончанию школы их чувства переросли в настоящую любовь. Они уже не представляли свою жизнь друг без друга. На выпускном Андрей и Настя поклялись в вечной любви. Он вскоре должен был уйти в армию, и они решили обязательно пожениться сразу же после его возвращения. Как теперь оказалось, клятву Настя не сдержала, Андрея не дождалась.

Он помнил свои проводы в армию. Настя горько рыдала на его плече, словно расставались они навсегда, обещала ждать и писать. Разве можно было тогда хоть на секунду сомневаться в правдивости ее слов? Он навсегда запомнил ее заплаканное родное и красивое лицо, прощальные слова и обещания. Сейчас, услышав от сестренки такое известие, Андрей подумал о Насте как о лицемерной и неискренней, посмеявшейся наплевать на высокие чувства, предать любовь.

Сначала, когда Андрей ушел в армию, Настя с завидной регулярностью присылала длинные и подробные письма, наполненные любовью и нежностью. Говорила, что ждет, что повесила в спальне самодельный календарь, в котором указывала оставшиеся до встречи дни, каждое утро зачеркивала новую дату. Это не могло не тронуть любую душу — даже погрубевшую от нелегкой армейской жизни. Девушка восторженно рассказывала, что посадила в их любимом палисаднике саженец дуба, называя его символом любви, который через много лет превратится в мощное дерево и станет напоминанием Андрею, Насте, их детям и внукам об этом долгом ожидании. Сколько еще красивых и трогательных слов было в этих письмах, они очень помогали ему, особен-

но поначалу, когда приходилось привыкать к кардинальным переменам в жизненном укладе.

А через год письма неожиданно перестали приходиться. Андрей беспокоился, спрашивал у своих родных, все ли у Насти в порядке. Мать и сестра отвечали уклончиво: мол, давно ее не видели. Словно что-то скрывали, не хотели о чем-то говорить. Андрею было сложно понять, что на самом деле прячется за этими односложными ответами.

Потом его в составе воинского подразделения командировали на территорию бывшей Югославии, где в то время разразилась война. Формально у подразделения был статус миротворцев, они не должны вмешиваться в боевые действия. А по факту Андрей с товарищами оказались в эпицентре горячей точки и поневоле стали участниками постоянных стычек между противоборствующими сторонами. В то время, даже если какие-то письма Настя и отправляла, они могли легко затеряться, не найти адресата. На почту Андрей и списывал длительное молчание девушки.

Теперь с глаз как будто спала пелена. Подозрения, о которых Андрей старался не думать, оказались правдой.

Буря эмоций одолела его. Щебетание Алины, ее рассказы про родственников и знакомых раздражали. Он всегда считал себя морально крепким и выдержанным, но сейчас еле сдерживался, чтобы не закричать от душевной боли и бессилия. Меньше всего хотелось, чтобы сестренка узнала, насколько опустошенным он себя ощутил, — не был готов ни при каких обстоятельствах показать свою слабость.

Собрав силу воли в кулак, Андрей спросил про родителей Насти. Он видел их лишь несколько раз, но относился

с почтением. Но сестра ничего не знала про Настиных родственников, и разговор постепенно перешел к обсуждению домашних дел.

Алина рассказала, что здоровье у матери ухудшилось, она жаловалась на постоянную усталость и боль в груди. Ходили слухи, что на мебельной фабрике, где работала мать, готовят большое сокращение, и Ирина Александровна оказалась в первых рядах претендентов на увольнение. Его мама была в чем-то выдающейся женщиной, после смерти мужа, будучи беременной Алиной и с маленьким Андреем на руках, не сломалась, делала все, чтобы дети ни в чем не нуждались, не чувствовали себя ущербными по сравнению со сверстниками. Такое самопожертвование не прошло бесследно, пошатнуло здоровье. Андрей понимал, какая цена стоит за его беззаботным детством, и ему очень горько было слышать слова Алины.

— Не переживай, сестренка, — сказал Андрей, — я вернулся. Найду хорошую работу, все у нас наладится, а мама наконец сможет отдохнуть.

Разговор с Алиной ненадолго отвлек от тяжелых мыслей о Насте, но через какое-то время Андрей вновь почувствовал приступ душевной боли. Он решил немного пройтись, чтобы успокоиться.

Сначала бесцельно ходил по округе и сам не заметил, как очутился во дворе дома, где жила Настя. Зашел в подъезд, оказался перед металлической дверью, обшитой коричневым дерматином. Сердце замерло: все было словно два года назад. Он какое-то время переминался с ноги на ногу, а потом все же нажал на звонок. В глубине квартиры раздалась громкая трель, но больше ни одного звука. Андрей помнил

этот гулкий скрип половиц, стоило сделать по ним один только шаг. Но сейчас внутри явно никого не было. Он несколько раз нажал на кнопку звонка, но результат оказался тот же самый. В расстроенных чувствах пришлось ему покинуть это негостеприимное место.

Андрей шел, не думая, куда направляется, пока ноги сами не привели его к дому лучшего друга, Потапа. Потап — прозвище, а так он был тезка и ровесник Андрея, Потапенко. Их дружба началась в пятилетнем возрасте. Живущие по соседству мальчишки быстро нашли общие интересы в детских играх и развлечениях. Андрей был спокойным и молчаливым, говорил выдержанно, никогда не начинал ссор и дворовых драк. Потап являлся полной противоположностью: не мог усидеть на месте, часто в разговоре переходил на крик, а провоцировать драки даже со старшими ребятами стало для него обычным делом. Но, говорят, противоположности притягиваются, и трудно было найти столь близких товарищей, готовых горой постоять друг за друга. Андрей и Потап учились в одном классе и сидели за одной партой.

Однажды Потап спас Андрея от неминуемой гибели, что еще больше сдружило мальчишек. Это случилось во время раннего весеннего половодья, когда они вместе с другими ребятами пошли на берег небольшого озера на окраине городка. Друзья бегали по кромке льда, и Андрей в какой-то момент не заметил, как забрался далеко от берега. Подтаявший лед не выдержал, мальчик провалился в ледяную воду. Ребята подбежали к Андрею, но остановились от него метра в двадцати, боясь приблизиться к попавшему в ледяной плен товарищу и с ужасом наблюдая, как тот из последних сил пытается

ся выползти на льдину. И только Потап проявил недетскую выдержку и хладнокровие. Он быстро отломил большую ветку от растущей на берегу березы, подбежал к мальчишкам, лег на лед и пополз в сторону обессиленного друга.

Он протянул ветку как можно дальше от себя. Андрей сумел за нее схватиться, и Потап стал медленно и осторожно вытягивать товарища из воды — словно на рыбалке, когда поймаешь большую рыбу и пытаешься затащить ее на берег, не порвав леску. Потап столь же искусно притягивал барахтающегося Андрея к себе, попеременно ослабляя и усиливая хватку. Под восторженный гул ребят дрожащий от холода Андрей сумел забраться на лед. На крики прибежал сторож лодочной станции, он схватил мальчишку на руки и унес в сторожку. Андрей отогрелся у жаркой буржуйки, напился горячего чая с медом и малиной, Потап принес ему сухую одежду. Дома, как ни странно, не было ожидаемого нагоняя от матери. Напротив, она крепко обняла его и рыдалась, а потом усадила сына рядом с сестрой и целый час молча прижимала их к себе и плакала.

Когда в жизни Андрея появилась Настя, он по-прежнему дружил с Потапом, но, наверное, впервые ощутил, насколько они были разными по складу характера. Потапа не радовало, что Настя заняла столь важное место в жизни Андрея. Сам он уже лет с тринадцати флиртовал с многочисленными подружками, пользовался явным успехом у девочек, однако никому не удавалось овладеть умом и сердцем неприступного Потапа. Теперь же Настя стала играть слишком большую роль, заставив подвинуться даже такого преданного и искреннего друга, как он.

Во время проводов Андрея в армию Потап сильно переусердствовал с водкой. В какой-то момент, оказавшись рядом с Андреем, он со свойственной подвыпившим людям откровенностью сказал, как теперь оказалось, пророческие слова:

— Зря ты, Андрюха, близких пацанов на Настю променял. Не дождетса она тебя. Года не пройдет, как с другим будет. Ветреная она, ненадежная. Почему ты сам этого не видишь?

Андрея задели слова друга. Но сказано это было в пьяном угаре, и он не стал придавать им тогда большого значения. А теперь не мог отделаться от воспоминаний о том вечере, и сказанные другом слова, словно молот по наковальне, стучали у него в голове.

Андрей остановился у подъезда, где на втором этаже жил его друг с мамой и младшей сестрой Анной. Обратил внимание на новую вишневую «девятку», припаркованную прямо у входа. Машину поставили так, словно водитель хотел бросить вызов окружающим: передним колесом на газон с цветами, а корпусом автомобиль перекрывал вход в подъезд, оставляя узкий проход. Протиснувшись между машиной и проржавевшей металлической дверью, Андрей зашел в подъезд и услышал громкую музыку — она звучала из квартиры Потапа.

Андрей несколько раз позвонил. С недовольным видом в дверном проеме появился Потап. Он сильно изменился за эти два года: из худого и немного сутулившегося мальчишки превратился в крепкого подтянутого мужчину. И только взгляд исподлобья выдавал в нем того самого Потапа. Судя по всему, перемены произошли и во внешности Андрея, так

как хозяин квартиры несколько секунд смотрел на него в нерешительности, а затем кинулся обнимать.

Сколько раз поздно вечером в казарме, лежа на неудобной металлической кровати, Андрей представлял себе этот миг — когда вернется домой и увидится с Потапом. Как много ему нужно было сказать, обсудить. А сейчас они сидели и не знали, с чего начать разговор.

Потап прервал молчание и предложил выпить за долгожданную встречу, достав из комода бутылку французского коньяка «Наполеон». Андрей в нерешительности посмотрел на красивую обертку — в Александровске даже армянский коньяк считался большой редкостью, что уж говорить о заморском деликатесе. Но Потап не терпящим возражений жестом откупорил бутылку и разлил содержимое по рюмкам. После первого тоста разговор пошел живее, друзья принялись обсуждать, что случилось за это время, вспоминая забавные истории и происшествия.

Пока Андрей был в армии, в жизни Потапа многое изменилось. Еще с восьмого класса он постоянно ходил в обустроенный при соседней школе спортзал — качалку, где собирались и одноклассники, и ребята постарше. Андрей первое время посещал спортзал вместе с Потапом, но потом стал появляться там все реже и реже, а затем и вовсе забросил это дело.

Как оказалось, в качалку часто навещали бывшие спортсмены, двое из которых даже были кандидатами в мастера спорта по боксу. Постепенно занятия в спортзале превратились в полноценные тренировки боев без правил, а клуб по интересам — в группировку, во главе которой стал

дерзкий и агрессивный бывший боксер с громким прозвищем Берия. Бандитская бригада начала с мелкого рэкета на городском автовокзале, но очень быстро превратилась в серьезную боевую машину со строгой иерархией и четким распределением ролей среди участников группировки.

Берия попытался обложить данью торговцев на здешнем рынке, но его интересы столкнулись с интересами местного криминального авторитета Савелия. Противостояние переросло в настоящую криминальную войну, в ходе которой и сумел себя в полной мере проявить Потап. Причиной конфликта стал находившийся возле городского рынка ресторан «Охотник», любимое место времяпровождения александровских кооператоров. Подопечные Берии спровоцировали серьезную драку в ресторане. Используя ее как предлог, Берия заявил руководству заведения, что за допущенное неуважение ресторан переходит под крышу его бригады. Поскольку заведение находилось под опекой Савелия, для выяснения отношений назначили стрелку, которая и переросла в кровавое побоище.

Бойцы Савелия стали теснить Берию. Главари группировок сцепились в рукопашной, Савелий приготовился ударить кинжалом в сердце противнику. Рядом оказался Потап, он сумел оттолкнуть Савелия — тот упал, размахивая ножом, и по касательной зацепил Потапа. Берия воспользовался моментом и под угрозой смерти заставил Савелия признать поражение и отступить. Бригада Берии понесла серьезные потери, но ресторан перешел под ее контроль, а группировка заявила о претензиях на весь город. Потап стал бригадиром, одним из руководителей банды.

Отныне он ходил по краю, балансируя на грани между жизнью и смертью. Не ведал жалости и сострадания, гордился головокружительной карьерой на криминальном поприще и считал, что достиг своей вершины. В одной из разборок Потапа сильно ранили в руку, но он отбилсЯ сразу от трех противников, используя арматуру как оружие. В другой раз чудом сумел увернуться от летящего в голову металлического лома.

Сейчас Потап, разомлев от выпитого, рассказывал Андрею о своей криминальной карьере. Старался особенно приукрасить романтику беспокойной жизни — вероятно, предполагая, что это было пределом мечтаний друга. Потап предложил Андрею примкнуть к бригаде, рисовал широкие перспективы и вольготную, полную интересных событий жизнь.

— Андрюха, — говорил он, — да ты хотя бы мир наконец помотришь. Ты даже на наших черноморских курортах никогда не был, а здесь — и Греция тебе, и Испания. Другая жизнь начнется, каждый вечер в «Охотнике» ужинать будешь.

Андрей с сестрой росли без отца, семья была на хрупких плечах матери, и отдых за пределами Александровска или походы в ресторан они себе позволить не могли. Андрей понемногу подрабатывал с тринадцати лет, но в провинциальном Александровске вся жизнь крутилась вокруг мебельной фабрики, туда подросткам устроиться было непросто. Андрею удавалось подработать на сезонных работах в местном лесхозе. Он надеялся, что после армии сможет взять на себя заботу о маме и сестре, изменит их жизнь к лучшему. Рассказы Потапа о вольготной жизни действительно будоражили воображение. В другой ситуации они, возможно, и увлекли

бы Андрея, но не сейчас: все мысли были о Насте. Он не мог не спросить о ней у Потапа — тот хорошо знал Настю и мог рассказать больше, чем Алина.

Вопрос застал Потапа врасплох. Он не сумел скрыть, что это ему неприятно. Замолчал на несколько секунд, что-то обдумывая, а потом резко ответил:

— Я тебя предупреждал: на нее нельзя положиться. Сразу про тебя забыла и укатила с каким-то столичным пижоном в Москву. Забудь про нее, пойдем, у нас в Александровске открыли шикарное заведение с такими девочками — просто закачаешься. Мы их крышуем, тебя обслужат по полному разряду.

Но в голове Андрея слова друга звучали как приговор. А он надеялся, что услышит что-то другое, какую-то иную версию, отличную от той, что сообщила Алина. Увы...

Стараясь сохранять безразличный тон, Андрей уточнил:

— Неожиданно как-то уехала, не похоже на нее. Неужели и родители ничего не знают?

Потапу явно было в тягость обсуждать Настю, как будто знал про нее больше, но не хотел делиться этим с другом. Он резко ответил:

— Андрюха, ее здесь больше нет, забудь и про нее, и про ее родителей.

Андрей понял, что обсуждение на этом закончилось. В комнате повисла гнетущая тишина. Оба собеседника мысленно размышляли, как сменить тему разговора, но быстро перестроить ход обсуждения не могли.

В этот момент в комнату зашла десятилетняя сестренка Потапа, Анна, — она только что вернулась из школы. В пер-

вый момент Андрей даже не узнал ее — так сильно она изменилась и выросла, выглядела ровесницей его Алины. Ее светлые и густые длинные волосы свисали до пояса, а вся она казалась в этот момент воздушной и лучезарной. Зеленые глаза Анны словно отливали изумрудом. Прямо как у Насти, с горечью отметил про себя Андрей.

Анна зашла в комнату нерешительно, заметив, что там люди. Видно было, что она побаивалась дружков Потапа, которые, вероятно, здесь часто появлялись. Девочка уже было приготовилась незаметно прошмыгнуть в свою комнату, но увидела Андрея — и лицо ее озарилось улыбкой. Анна радостно подбежала к дорогому гостю и крепко обняла его. Она всегда называла Андрея вторым старшим братом, а он в полной мере оправдывал ее ожидания, защищая от дворовых хулиганов. Несколько раз, получив небольшие деньги за работу в лесхозе, Андрей покупал целый кулек разных конфет, от шоколадных до карамелек, и обязательно приносил несколько штук Анне. Бывая у Потапа, всегда находил время, чтобы поговорить с девочкой, рассказать ей какую-нибудь интересную историю или сказку. Такое отношение очень подкупало Анну — Потап был с ней предельно жестким, какого-то родственного тепла она от него никогда не видела.

Потап почему-то не любил, когда Анна называла его друга вторым старшим братом, он немного ревновал сестренку. Андрей не понимал подобного отношения к младшей сестре — от нее веяло добротой и открытостью, сложно было не проникнуться к ней искренней симпатией.

Анна расспрашивала Андрея про службу в армии, довелось ли ему поездить на танке. Его рассмешили эти расспросы,

отвечая, он постепенно успокоился, а разыгравшаяся в раненой душе буря эмоций стала понемногу затихать. Потап тоже сначала обрадовался, что Анна разрядила обстановку, но быстро устал от болтовни девочки, начал раздражаться, а потом вообще грубо скомандовал сестре уйти в другую комнату:

— Давай к себе, тут у пацанов свои разговоры.

Анна внимательно посмотрела на Потапа, но выполнять команду не торопилась. Потап рассвирепел, резко подошел к девочке и замахнулся на нее. Она вскрикнула. Андрей незаметно подтолкнул Анну вперед и сказал:

— Мы с тобой попозже обязательно поболтаем, а пока иди, позанимайся своими делами.

Анна вытерла предательски выступившие на глазах слезы и ушла в свою комнату, с вызовом взглянув на брата.

— Вот ведь распоясалась, — возмущался Потап. — Это мать так разбаловала, то-то еще будет. Видимо, придется мне заняться ее воспитанием.

Очевидно, Потапа задело, что кто-то посмел его послушаться. Андрей еще раз про себя отметил, насколько сильно за это время тот изменился, каким нетерпимым и жестким стал.

Потап разлил по рюмкам новую порцию коньяка. Андрей уже сильно захмелел: за всю жизнь он лишь несколько раз употреблял алкоголь, да и то в скромном количестве. Попытался жестом показать другу, чтобы не наливал ему больше, но Потап наполнил до краев и продолжил рассказ про свои бандитские подвиги.

Сначала Андрей расслабился, гнетущее чувство от новостей о Насте притупилось. Но затем к горлу вновь подкатил комок. Вспомнился один эпизод его пребывания в соста-

ве миротворческого контингента на территории бывшей Югославии. В тот день они патрулировали местность и неожиданно стали свидетелями столкновения между сербским и хорватским боевыми отрядами. Причем оказались в самом эпицентре, под шквальным прицельным огнем.

Это был первый реальный бой, а не учения. Они на какое-то мгновение растерялись, ошарашенно смотрели по сторонам. Но именно в тот момент он явственно услышал слова Насти, которые она сказала ему во время проводов:

— Ты только вернись, обязательно вернись живым, ты же знаешь, как я тебя жду.

Андрей вышел из оцепенения, интуитивно прыгнул на водительское сиденье, подвинув застывшего от испуга младшего лейтенанта. Машина взвизгнула и, поднимая облако пыли, резко рванула вперед. Спустя минуту звуки выстрелов стали слышны далеко позади — бой продолжался, но они были спасены. Он так мечтал вернуться к Насте и рассказать, что спасся от верной гибели только благодаря ей. Теперь получается, у него не было смысла возвращаться домой: любимая его не ждала, да и все ее слова оказались ложью.

Заметив, что Андрей снова насупился, Потап наполнил рюмки до самых краев и, рассказав какой-то тост-анекдот, предложил выпить до дна. Андрей почувствовал, как сознание начинает затуманиваться, а силуэт друга расплывается перед глазами. Это были новые и странные ощущения. Однако Потап словно и не замечал, что его товарищу неплохо бы остановиться. Напротив, разлил остатки по рюмкам и опять предложил выпить. Андрей, плохо понимая происходящее, машинально опрокинул рюмку.

Теперь его сознание окончательно помутнело, все вокруг закружилось, как на карусели.

— По-моему, я набрался, — громко сказал Андрей, с трудом выговаривая каждое слово. Он попытался было встать, но почувствовал тяжесть в ногах и вновь опустился на стул. Потап, со смехом наблюдая за другом, сказал:

— Посиди, отдохни, а я быстро метнусь за добавкой — и продолжим.

Андрей пытался возразить, но воспроизвести что-то внятное не удалось. А Потап стремительно вышел из комнаты.

Андрей вспомнил, что хотел пообщаться с Анной, и качающейся походкой направился в сторону комнаты, куда девочка ушла после претензий брата. Где-то на середине пути его сознание полностью отключилось, он перестал понимать, что делает и куда идет. Словно совершенно неожиданно везде выключили свет и наступила кромешная тьма.

Андрею казалось, что все происходит не с ним, а с каким-то другим человеком. Как сквозь пелену он слышал громкие всхлипывания Анны, потом дикий прерывистый крик. Все эти всхлипывания и вскрики раздавались из глубины его отключившегося сознания. Они одновременно то были совсем рядом, то слышались откуда-то издалека.

Сложно сказать, насколько долго раздавались эти всхлипывания и крики, возможно, только одно маленькое мгновение, а может, целую вечность. Андрей окончательно провалился в пьяное беспмятство, а перед его глазами стояла одна сплошная тьма. Он не догадывался, какие трагические события сейчас происходили, как кардинально и бесповоротно менялась его жизнь.

ГЛАВА 2

Очнулся он глубокой ночью в каком-то темном холодном помещении, на жесткой неудобной кровати. Все тело предательски болело и ныло, что усугублялось нестерпимым желанием пить. Андрей попытался встать, но тут же ощутил сильнейшее головокружение. Ноги предательски подкосились, он с грохотом рухнул на каменный пол. Приподняв голову, решил повторить попытку — и через несколько секунд вновь растянулся на полу и забылся глубоким сном.

С первыми лучами солнца ему удалось немного прийти в себя. Оглянулся по сторонам и понял: он в тюремной камере. Один. Что произошло? Как его сюда занесло? Тело по-прежнему гудит и ноет, но голова больше не кружится. Неимоверная жажда.

Андрей силился понять, где он все-таки находится, восстановить в памяти события предшествующего дня, но ему никак не удавалось собраться с мыслями и перестать думать о чем-то еще, кроме как о стакане прохладной воды.

Через несколько часов дверь открылась, в камеру зашли конвоиры, молча надели ему наручники и увели по длинному коридору с мерцающим тусклым светом. Андрей понуро брел за провожатыми. Пытался мысленно успокоить себя: наверное, вчера набедокурил, стекло где-нибудь разбил, сейчас составят протокол и отпустят отсыпаться домой. Но... Наручники за небольшие проступки обычно не надевают, а конвоиры явно настроены очень решительно, словно имеют дело с отъявленным преступником.

Андрей и не заметил, как оказался в узкой комнате с зелеными стенами и потертым от времени паркетным полом. В центре — старый суконный стол с облезшей и потускневшей краской, за которым торжественно восседал мужчина средних лет в форме сотрудника правоохранительных органов и курил сигареты с резким тошнотворным запахом. Андрей понял, что перед ним следователь и, видимо, события прошлого дня не ограничились мелким проступком. Он нерешительно посмотрел на этого человека, словно пытаясь понять, о чем его будут спрашивать, а тот рылся в разбросанных на столе бумагах, не обращая внимания на присутствие Андрея. Потом вдруг жестом указал конвоирам удалиться и, положив перед собой стопку пожелтевшей бумаги, приготовился что-то записывать.

Начался допрос. Сначала следователь уточнил у Андрея дату рождения и еще какие-то маловажные детали биографии. Допрашиваемый отвечал невпопад, голова его раскалывалась от боли, не давая сосредоточиться.

Внимание Андрея привлек графин с водой — от одного его вида он непроизвольно сглотнул. Следователь, заметив,

налил полный стакан, протянул арестанту. Тот с жадностью опустошил его до дна в считанные доли секунды и почувствовал долгожданное облегчение. Сознание немного просветлело, теперь Андрей был готов отвечать.

Следователь старался говорить максимально жестко, с металлическими нотками в голосе:

— Вы понимаете, что вас подозревают в изнасиловании и убийстве Анны Потапенко?

Андрей не сразу понял. Потом как током ударило. Не дававшие покоя острая головная боль и недомогание моментально отступили на второй план. В голове крутился этот вопрос, звучащий как приговор. Андрей не мог поверить в сказанное — все что угодно, только не это.

Глядя следователю прямо в глаза, он сдавленно пробормотал:

— Что произошло с Анной?

Следователь оказался неплохим психологом — постарался выдержать художественную паузу, наблюдая за реакцией допрашиваемого. Возможно, хотел понять, насколько осознал Андрей случившееся накануне. По реакции подсудимого пытался определить степень его виновности.

С нотками отвращения продолжил:

— Я хотел бы задать этот вопрос вам. Девочку нашли рядом с вами, изнасилованную и задушенной.

В жизни Андрея случались моменты, когда ему было стыдно за какие-то поступки. Часто корил себя, что повел неправильно или сделал что-то не так. Но еще никогда не обвиняли его в преступлении, да еще и на какое не каждый изверг способен — надругаться и убить младшую сестру

лучшего друга, к которой он сам относился как к близкому и родному человеку. Находясь в раздираемой гражданской войной Югославии, Андрей, доводилось, стрелял в противника на поражение. Всегда в целях самообороны. Исключительно для защиты своей жизни и жизней друзей. Теперь он впервые услышал, что лишил жизни девочку — открытую, светлую. Это сложно представить в самом кошмарном сне.

Андрей стал вспоминать, как сквозь пьяное забытьё раздавались вскрики и всхлипывания Анны — что-то нехорошее действительно происходило в тот момент. Но неужели к этому причастен именно он? Память упорно не позволяла увидеть большее.

— Я не понимаю, о чем вы.

Наверное, его ответ выглядел цинично и наигранно, но очень хотелось надеяться, что произошла фатальная ошибка. Андрей вдруг вспомнил: накануне, когда еще сознание окончательно его не покинуло, Потап ушел за еще одной бутылкой коньяка и должен был скоро вернуться. Где в этот момент находился Потап? Что произошло с ним?

Он пытался для себя восстановить картину произошедшего.

Словно отвечая на мысленный вопрос Андрея, следовательно сказал:

— Как же это так можно? Вернулся из армии, пришел к лучшему другу, а потом напился до умопомрачения, изнасиловал и убил его сестру. Да если бы Потапенко появился на месте до приезда милиции, до того, как соседи, испугавшись криков, вызвали нас, ты бы уже здесь не сидел. Он бы тебя убил на месте. И правильно бы сделал — тебе теперь

в любом случае вышка светит, а так ты, может, и испугаться бы не успел.

Андрей отметил, как резко изменился тон следователя. Видать, сильно накипело, не выдержал и выплеснул эмоции. Маленький городок Александровск многое успел повидать, но такие циничные и дерзкие преступления были явным исключением.

Еще вчера Андрей думал, что с ним произошло самое страшное из возможного: его бросила Настя. Поспешно, низко, даже не объяснившись напоследок. Теперь понимал, насколько далекими и неважными были его переживания на фоне страшного преступления.

Андрей никогда не страдал провалами памяти, да и причин для этого не возникало. Спиртным не баловался, за всю жизнь выпил несколько раз, исключительно легкое опьянение и небольшая эйфория. Только расставание с Настей привело к утрате полного контроля над выпитым и закончилось настоящей трагедией.

Следователь монотонно зачитывал заранее заготовленные вопросы. Андрей отвечал невпопад и туманно, чем вызывал плохо скрываемое раздражение. Из вопросов и дополнительных пояснений следователя ему удалось восстановить примерную картину случившегося накануне.

Андрей и Потап допили бутылку, друг убежал за добавкой. Потап посчитал нужным принести именно бутылку «Наполеона», который продавался только в новом, недавно открытом винном бутике в другой части города. Не было Потапа достаточно долго, часа полтора. Все это время Андрей оставался наедине с Анной, напал на девоч-

ку, а когда она стала кричать и сопротивляться, просто задушил ее. Соседи услышали истошные крики за стеной, но испугались зайти и вызвали милицию, которая обнаружила в квартире только обнаженную и задушенную Анну и спящего рядом Андрея с расстегнутыми штанами. К моменту возвращения Потапа в его доме уже всюду шли следственные действия, а мертвецки пьяного преступника погрузили в милицейский уазик и увезли в следственный изолятор.

Поняв, что добиться чего-то еще от Андрея не удастся, следователь протянул ему протокол допроса, Андрей подписал, даже не проверив, правильно или нет зафиксировали его слова. Позвав конвоиров, следователь велел увести задержанного. Взглянув на подследственного, сказал:

— Мне в этом деле практически все ясно. Постараюсь закончить следствие за пару месяцев, там уж пусть суд решает, что с тобой делать. Будь моя воля, ты бы до суда не дожил. У меня дочь почти такого же возраста, я бы таких подонков убивал на месте.

Андрей посмотрел на него с отчаянием. Наверное, тоже бы так думал в подобной ситуации. Он всегда с презрением относился к таким негодьям. Неожиданно таким оказался сам.

Началась череда долгих дней и ночей. Одиночка, в которой Андрей провел первую ночь, через пару дней сменилась камерой побольше, рассчитанной человек на десять, но по факту в ней постоянно ютилось не меньше пятнадцати арестантов. Публика здесь подобралась достаточно пестрая. Половина попала за разбой и грабежи, кто-то — за мелкую

кражу, один обвинялся в убийстве и один — в изнасиловании.

К Андрею его сокамерники относились настороженно. О том, за что именно он здесь оказался, стало известно достаточно быстро, а в криминальном мире убийц и насильников малолетних, мягко говоря, не жаловали. Он старался как можно меньше контактировать с другими арестантами, пытаясь осмыслить, что же его толкнуло на преступление.

Первые несколько дней Андрей был в ужасной депрессии, ненавидел себя до глубины души. Не мог спать, страдал от бессонницы, ему мерещились вскрики Анны, не давая ни на минуту сомкнуть глаз. Андрей поймал себя на мысли, что единственным выходом из сложившейся ситуации могло стать самоубийство: наложив на себя руки, он кровью смоет позор, которым сумел себя покрыть. Однако возможности покончить с собой в небольшой, переполненной людьми камере не было, да и что-то его останавливало от такого шага.

Постепенно душевная боль притупилась, хотя периодически накатывала с новой силой. Андрей часто просыпался, вскрикивая от ужаса, видя в кошмарном сне окровавленную Анну — образ его безвинной жертвы, словно дамоклов меч, обещал, что не будет ему пощады.

Настоящим испытанием для Андрея стало свидание с матерью и сестрой. Они пришли навестить его в изоляторе, им разрешили короткую встречу. Вернувшись из армии, он даже не успел пообщаться с матерью, а теперь видел ее при столь трагических обстоятельствах. Ирину Александровну было не узнать, настолько сильно она постарела и осунулась. Всегда добрые и лучезарные глаза смотрели на него теперь

строгим испепеляющим взором. И лишь Алина наблюдала за Андреем, потупив взгляд, но с трудно скрываемым сочувствием и любовью.

Мама Андрея сначала долго вглядывалась в непутевого сына, силясь что-то понять, а потом разрыдалась, повторяя сквозь всхлипывания:

— Андрей, как ты мог? Кто угодно, но только не ты...

Она, наверное, ожидала услышать от сына какие-то оправдания, невероятные объяснения. Но он просто сидел напротив своих самых близких людей, понутив голову и опустив взгляд, не зная, что и ответить. Алина попыталась разрядить обстановку, стала рассказывать об учебе, но разговор совсем не клеился.

Ирина Александровна снова заплакала и рассказала сыну, что, когда хоронили Анну, процессия шла мимо их дома — там проходит дорога на городское кладбище. Валентина Сергеевна, мама Анны, в этот момент разразилась страшными проклятиями Андрею и его семье, у окон их квартиры подняла здоровенный камень и запустила с размаху в окно. Бульжник разбил стекло и попал в висящую на стене большую семейную фотографию, которую они делали накануне отъезда Андрея в армию. Стекло на фотографии разбилось, впившись острыми краями в портрет и проткнув его сразу в нескольких местах. Всклипывая, Ирина Александровна запричитала: знак судьбы, испорченная фотография показала, что стало с нашей семьей — это наш общий грех, его никто и никогда не простит, проклятие с нами навечно.

Прощаясь, она вытерла покрасневшие от слез глаза и произнесла с укором:

— Я никогда не смогу простить сыну такое. Всегда думала, что знаю тебя. Не поверила бы, что ты на такое способен. Бог наказал меня, послав самый страшный позор от рук сына.

И ушла, увлекая за собой Алину.

Вернувшись в камеру, Андрей словно еще раз пережил все ужасы того кошмарного дня. Было безумно тяжело на душе, не хотелось жить. В этот момент взгляд упал на маленькую книжку, которую принесла мама. Это оказался потертый томик Евангелия, семейная реликвия принадлежала бабушке Андрея, а потом перешла к Ирине Александровне. Он вспомнил, как мама читала выдержки из этой книги, казавшейся непонятной и загадочной, написанной сложным иносказательным языком.

Он открыл книжку, и взгляд его упал на фразу из Нагорной проповеди: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Андрей даже вздрогнул — настолько уместными были эти слова, они затрагивали глубины его души. Такое утешение ему сейчас нужно — сейчас, когда все внутри страдает от раскаяния в содеянном и невозможности что-либо изменить. Нельзя впадать в отчаяние, не все еще окончательно потеряно.

Он несколько раз перечитал отрывок, а потом, вдохновившись, сел и прочел всю Нагорную проповедь. Неожиданно для себя решил: как бы ужасно ни было его преступление, нельзя отчаиваться, бесповоротно ставить на себе крест. Прошое вернуть не получится, но любой, даже самый тяжкий грех можно попытаться искупить.

С того момента Андрей подолгу с жадностью читал Евангелие, все более задумываясь над своей жизнью, ее смыслом, своими ошибками. Не все ему было понятно, местами писание казалось странным и даже противоречивым, неоднозначным. Но он впервые осознал, что вся его прошлая жизнь оказалась бесцельной: ставил перед собой какие-то приземленные и сиюминутные задачи — вместо того чтобы стремиться к чему-то большому и великому. Андрей философски взглянул на свои страдания и переживания. Теперь это стало дорогой к возможному искуплению вины, к перерождению в нового человека.

А поводов для новых душевных мук и страданий более чем хватало. Через какое-то время для следственных действий его привезли на место преступления, в злополучную квартиру Потапа. Выйдя из автозака, в наручниках, в сопровождении конвоиров, Андрей увидел во дворе дома зевак. Заметил много знакомых — все они смотрели на него с неодобрением и омерзением. Кто-то громко желал ему скорой смерти, другие испепеляли взглядами. Но самое ужасное ждало его в квартире — в этот момент там находилась мама Анны. Увидев Андрея, она рысью подскочила к нему, осыпала проклятиями, расцарапала ему до крови лицо. Опешившие конвоиры с трудом оттащили разъяренную женщину. Ее Андрей помнил как тихую и кроткую преподавательницу французского, она ни разу в жизни ни на кого не повысила голоса — а теперь напоминала фурию и была готова растерзать убийцу дочери, если бы только ей дали шанс остаться с ним с глазу на глаз.

В квартире Потапа все выглядело как в тот самый день. С той лишь разницей, что в центре комнаты, на том самом столе, за которым Андрей и Потап дегустировали французский «Наполеон», стояла большая фотография Анны, перетянутая черной ленточкой в правом нижнем углу. Это была, наверное, самая удачная фотография, настолько естественно девочка на ней выглядела. Широко открытые глаза излучали свет, а застывшая на лице загадочная улыбка делала ее немного похожей на Мону Лизу. Андрею было особенно тяжело видеть этот портрет с черной ленточкой и понимать свою причастность к жестокому убийству светлого человека. Он словно убил собственную сестру — и от этого ему становилось еще тяжелее и горше.

В ходе следственного эксперимента Андрей не смог вспомнить обстоятельств преступления, лишь указал на стул, на котором он сидел до того, как произошел полный провал памяти. Не сумев получить от Андрея никаких дополнительных сведений, следователь поспешил закончить болезненный и неприятный процесс, и под всхлипывания и причитания мамы Анны закованного в наручники Андрея увели обратно в автозак.

К тому времени у него появился адвокат. Ирина Александровна отказалась нанимать ему защитника — возможно, в силу тяжелого материального положения, а может, не видела в том необходимости. Ему предоставили адвоката по линии государства. Это был молодой парень, ненамного старше Андрея, видимо, не так давно окончивший институт и допущенный к адвокатской практике. С самого начала он особо и не скрывал от подзащитного, что тот был ему непри-

ятен, но все же с рвением взялся за дело, пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку, свидетельствующую в пользу клиента. Он подолгу разговаривал с Андреем, выпрашивая о самых мелких и незначительных деталях, внимательно слушая ответы и записывая все в толстую тетрадь.

Все обстоятельства дела казались понятными и предсказуемыми. Вскоре адвокат перестал задавать вопросы и лишь объяснил подопечному, что своей основной задачей видит не допустить, чтобы клиента приговорили к высшей мере наказания. Андрей отвечал, что смертной казни не боится, этот вариант для него даже более предпочтителен. Про себя отметил: эти слова сильно подействовали на адвоката, тот впервые посмотрел на него с плохо скрываемым уважением. Наверное, в его недолгой адвокатской практике это первый случай, когда заключенный не пытался избежать ответственности за совершенные злодеяния, а напротив, готов понести заслуженное наказание, каким бы жестким оно ни было. Остальные лишь цеплялись за свою никчемную жизнь.

Как первоначально и обещал следователь, расследование дела прошло быстро, вскоре назначили первое судебное заседание. Андрей с большим волнением и опаской ожидал начала судебного процесса. Он не боялся сурового приговора. Намного больше его страшила перспектива еще раз пережить события того дня, увидеть на процессе Валентину Сергеевну. Андрей ни секунды не сомневался, что она обязательно будет присутствовать на судебных заседаниях.

Ничуть не меньше опасался он увидеть в зале суда маму и сестру. Было страшно, что они еще раз в деталях узнают, на что оказался способен их близкий, любимый человек. Не

был он готов и смотреть в глаза Потапу, самому близкому другу.

На первое судебное заседание Андрей шел на ватных ногах. Когда его, закованного в наручники, привели в клетку для подсудимых, он опешил: зал до отказа заполнили знакомые и незнакомые люди, в глазах которых читались ненависть и презрение. Он услышал недовольный гул, который прерывали громкие крики Аниной мамы. Она проклинала Андрея и его семью, обещая самые страшные кары, которые только можно представить. Где-то далеко в углу притулилась мама Андрея. Казалось, она пытается спрятаться от всех — настолько сморщенной и ссутулившейся выглядела несчастная женщина. Потапа и Алины в зале не было, и хотя бы это стало облегчением.

На протяжении судебного заседания Андрей сидел неподвижно, уставившись перед собой в одну точку. В какие-то моменты могло показаться, что он задремал, но это было не так. Он ловил каждое слово — прокурора, адвоката, судьи, заново переживая обстоятельства преступления. Судья склонялся к аргументам стороны обвинения и отверг все ходатайства, заявленные адвокатом, отказался проводить экспертизы, заявив, что собранных доказательств вполне достаточно, чтобы принять решение. У Андрея сложилось ощущение, что судья заранее знал, какой приговор вынесет, и сейчас ему лишь необходимо соблюсти какие-то формальности.

Валентина Сергеевна все время что-то причитала и негромко бубнила, неожиданно вскакивала с места и с проклятиями кидалась к клетке, где находился Андрей. Судье при-

шлось несколько раз сделать ей предупреждение, но он не стал удалять ее из зала суда — с пониманием отнесся к горю несчастной женщины.

Андрей никогда не мог себе представить, что его будет так тянуть в тюремную камеру, но после первого дня суда поймал себя именно на этой мысли. Ему безумно хотелось как можно скорее убежать от всего этого, не видеть обращенных в его сторону пронзительных взглядов, не слышать причитаний и всхлипываний Валентины Сергеевны. В тот вечер он долго не мог заснуть, прокручивая в голове сказанное на судебном заседании и безуспешно пытаясь для самого себя восстановить картину убийства Анны. Ему вновь снились кошмары, которые теперь дополнялись раздающимися непонятно откуда проклятиями.

Потянулась череда долгих и мучительных судебных заседаний. После каждого Андрей чувствовал себя изможденным, выжатым как лимон. Мама Анны по-прежнему выкрикивала проклятия в его адрес, а несколько раз у нее случилась настоящая истерика, и судья был вынужден сделать перерыв. Однажды она даже набросилась на маму Андрея, крича: «Как ты могла родить такого подонка?» — и в этот момент ее глаза светились каким-то безумным блеском.

Потап так и не появился ни на одном из заседаний. Пожалуй, это было реальным утешением для Андрея.

Возвращаясь в камеру, Андрей часами отрешенно сидел на тюремных нарах, глядя куда-то вдаль и пытаясь абстрагироваться от происходящего. Каждое заседание становилось настоящей душевной пыткой. Единственным положительным моментом было то, что Андрей перестал думать о На-

сте. Муки от неразделенной и несчастной любви отступили на второй план. Ему было даже отрадно, что Настя не присутствовала на суде и не являлась свидетелем его позора.

Через пару месяцев судебный процесс подошел к своему логическому завершению. Андрей долго готовился к последнему слову — адвокат объяснил, что такую возможность ему обязательно предоставят. Он понимал, что сказанное может как-то влиять на тяжесть приговора. Андрей мысленно заучивал речь, с которой хотел обратиться к суду.

Но, получив слово, он неожиданно для себя, преодолевая нахлынувшее волнение, начал говорить экспромтом — совершенно не то, что изначально планировал.

Рассказал, что знал Аннушку с самых малых лет, относился к ней трепетно, словно к родной сестре, ценил ее жизнерадостность и открытость. Под гул неодобрения со стороны присутствующих он подчеркнул, что никогда и ни при каких обстоятельствах не рассматривал и не воспринимал Анну ни в каком ином качестве. Поэтому в квартире Потапа остались две жертвы: Анна погибла физически, а Андрей умер духовно и морально, и неизвестно, какая из смертей может быть страшнее и ужаснее.

Он рассказал, как не раз чувствовал дыхание смерти, когда во время службы в армии находился в Югославии. Но его не пугала возможная гибель, главной задачей он всегда считал не допустить смерти людей, чьи жизни вверили в его руки. Теперь он принес смерть в дом лучшего друга, от его руки погиб невинный человек, которого он по-братски любил и которого готов был защищать до конца. Андрей с горечью в голосе сказал, что не знает, не понимает, как

и почему случилось то, что произошло. Никогда он не мог и предположить, что способен даже на маленькую толику того, что совершил.

Андрей опустился на колени и, обратившись в зал, просил прощения у Валентины Сергеевны и у своей матери. А затем, не вставая с коленей, обратился к судье и попросил приговорить себя к смертной казни.

— Я уже сам себя наказал, совершив это преступление, и тем самым обрек себя на вечные душевные мучения, которые намного страшнее и больнее, чем телесные истязания, — сказал Андрей каким-то чужим голосом. — Я знаю, мне не суждено заслужить ни прощения, ни снисхождения. За такие преступления во все времена следовало самое жестокое наказание. Ждет оно сейчас и меня. Я не понимал, что делал, до сих пор не помню, как все случилось и почему, но всю оставшуюся жизнь, какой бы короткой она теперь ни была, я посвящу искуплению вины и тех страданий, которые принес.

По щекам у Андрея текли слезы. Он никогда не плакал с самого раннего детства, считая слезы проявлением слабости и позором для настоящего мужчины. Но теперь вдруг ощутил облегчение, словно попал под очищающий дождь. Он еще раз окинул взглядом зал судебного заседания, стараясь запомнить этот момент навсегда, встал с коленей и вернулся на свое место.

Андрей ждал самого сурового приговора. Слова судьи — виновен и приговорить к двадцати пяти годам лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима — прозвучали как нечто само собой разумеющееся. В этот момент он

не удержался и посмотрел в сторону матери Анны, которая громко всхлипывала, слушая приговор. Он всегда относился к ней с почтением и некоторой опаской, она была красивой женщиной и строгим преподавателем, внушала подспудное уважение и восхищение. Теперь же перед ним сидела закутанная в длинный черный балахон дряхлая старушка.

Когда судья закончил оглашать резолютивную часть приговора, Валентина Сергеевна резко вскочила, подбежала к клетке, где сидел Андрей, и неистово завопила:

— Проклинаю тебя и весь твой род, ты никогда не сможешь кровь Аннушки со своих рук!

Эти слова с того дня преследовали Андрея, он слышал их во сне и наяву, они молотом стучали в его голове, не давая забыть, какой чудовищный грех он совершил.

Адвокат предложил обжаловать приговор. При этом подчеркнул, что ни у кого сомнений в виновности Андрея нет, собранных доказательств вполне достаточно. Однако с формальной точки зрения следствие допустило определенные нарушения, их можно попытаться обыграть в его пользу. Кроме того, несмотря на ходатайства адвоката, не провели целый ряд экспертиз, которые могли сыграть существенную роль при вынесении судебного решения. Наконец, что не менее важно, при рассмотрении дела в вышестоящих инстанциях не будет такого эмоционального накала и давления на судей, поэтому есть реальный шанс на смягчение приговора.

Андрей внимательно выслушал это предложение. С одной стороны, был соблазн пойти по предложенному пути — и кто знает, может, тюремный срок сократится. Но внутрен-

ний голос шептал: приговор справедливый, возможно, даже мягкий. По ходу судебного процесса Андрей мысленно приготовился к высшей мере наказания, его совсем не пугало, что из мест заключения он выйдет в сорокапятилетнем возрасте, проведя за решеткой лучшие годы жизни.

Он еще раз вспомнил последнюю встречу с Потапом и Анной. Как она вбежала в комнату и с детской непосредственностью кинулась на шею к Андрею. Обжалование приговора казалось ему подобным новому преступлению в отношении несчастной девочки. Он еще раз вспомнил глаза Валентины Сергеевны, ее слезы, проклятия. Он понимал, что мама Анны будет на всех заседаниях и эта попытка для него продолжится.

Он твердо сказал адвокату, что не готов к обжалованию. Напротив, хочет, чтобы его как можно быстрее направили к месту отбывания наказания. Как стало известно, двадцать пять лет жизни ему предстояло провести в колонии на далеком севере, на расстоянии почти в две тысячи километров от родного Александровска.

ГЛАВА 3

После приговора Андрей полтора месяца провел в том же следственном изоляторе. Адвокат объяснил: даже если нет намерения оспорить приговор, нужно ждать истечения срока для обжалования, и только потом этапируют в колонию. Андрей в какой-то мере наслаждался передышкой: не нужно было с замиранием сердца ждать судебных заседаний, после которых он по несколько дней не мог прийти в себя.

Незаметно Андрей увлекся чтением Евангелия. Он и раньше видел эту книгу, хранившуюся в незамысловатом семейном архиве, но только сейчас понял, что это была самая большая ценность в их доме. Содержание книги сначала показалось ему слишком сложным, но постепенно он начал проникаться учением Христовым, раз за разом перечитывая проповеди и притчи. В Евангелии Андрей увидел путь к своему спасению. Если до этого единственным выходом казалось наложить на себя руки, то теперь он усвоил: даже для

таких грешников есть шанс заслужить прощение. Отныне целью жизни стало добиться этого прощения.

В колонию Андрея отправили в самый разгар лютых рождественских морозов. Дорога заняла больше недели, а вагон, в котором его везли вместе с двенадцатью другими заключенными, плохо отапливался и, казалось, промерз насквозь. Холод не давал возможности нормально сидеть и спать, дорога превратилась в настоящую пытку. Где-то на половине пути Андрей сильно заболел и оставшуюся часть дороги находился в полусознательном лихорадочном состоянии, смутно осознавая происходящее.

В колонии его сразу определили в местный лазарет, но состояние Андрея к тому моменту стало настолько тяжелым, что шансы выжить были минимальные: двустороннее воспаление легких с серьезным осложнением. Несколько недель Андрей находился между жизнью и смертью. Пребывая в таком состоянии, он как-то увидел Настю — она была в окровавленном платье и презрительно смотрела в его сторону, не произнося ни слова. Спустя время он часто задумывался, что бы могло означать это видение, но так и не смог понять. С Настей могло случиться что-то страшное, ему не следовало полагаться на досужие разговоры, а стоило самому попробовать установить истину. Но что уж теперь...

Как только он почувствовал себя немного лучше, его перевели в общую камеру. В комнате на тридцати метрах вместе с ним ютились еще двадцать заключенных.

Свое первое появление в камере он помнил как в тумане. Мрачное полутемное помещение, терпкий запах пота, пронзительные взгляды сокамерников. Он понимал: по тюрем-

ному радио уже давно прошла информация о том, за какое преступление он оказался здесь, а насильники и убийцы малолетних могли рассчитывать на особый прием.

Дверь за конвоиром закрылась. Заключенные обступили Андрея, пропустив вперед прихрамывающего мужчину лет сорока пяти с глубоким шрамом на голове, что делало выражение его лица похожим на звериный оскал. Как позже узнал Андрей, это был известный в криминальных кругах авторитетный вор Шрам. Он указал Андрею на нары в дальнем углу камеры, процедив: «Здесь твое место». Андрей молча прошел к проржавевшей двухъярусной кровати, не опуская взгляда под испепеляющим взором сокамерников. После болезни ему было трудно сохранять спокойствие и хладнокровие, но он отдавал себе отчет: любой неверный шаг, проявление слабости превратят его жизнь на зоне в настоящий ад.

Андрей присел на нары и положил рядом небольшой рюкзачок с вещами. К нему подошел самый высокий заключенный, через тюремную робу которого прорисовывались твердые, как камень, мускулы, и с размаху пнул рюкзак в сторону:

— Нечего разбрасывать тряпье на моем пути.

Андрей, не произнеся ни слова, подошел к рюкзаку, поднял, а в следующее мгновение нанес обидчику стремительный удар в солнечное сплетение. Даже находясь в болезненном состоянии, он не утратил полученную во время службы в десантных войсках закалку и умение применять болевые приемы. Противник Андрея не ожидал такого отпора, упал как подкошенный на бетонный пол и начал корчиться в конвульсиях. Андрей отряхнул рюкзак и присел на нары, сделав вид, что ничего не произошло.

Противника перенесли на кровать у входа в камеру, он на какое-то время затих. Но уже через несколько минут начал протяжно стонать. Это привлекло внимание надзирателей, его забрали в тюремный лазарет. Начальство устроило жесткий допрос, пытаясь установить причины инцидента. Но никто так и не сумел объяснить, что же случилось с их соседом, носящим говорящее само за себя прозвище Варвар. У него обнаружили разрыв селезенки, с которым он на несколько месяцев задержался в тюремной больнице.

Желающих спровоцировать новый конфликт с Андреем не оказалось. Молча наблюдавший за схваткой Шрам сказал, обратившись к Андрею, — так, чтобы слышали все:

— Тебя бы наказать, что Варвара вырубил, но тот тоже не прав, поэтому пока живи.

Андрей понял, что первое испытание он прошел и до возвращения Варвара каких-то новых стычек можно не опасаться.

Он прилег на кровать. При головокружении и слабости от болезни ему стоило невероятных усилий собрать волю в кулак, чтобы дать достойный отпор Варвару. Но сейчас силы оказались на исходе, и вряд ли ему удалось бы это повторить. Сокамерники смотрели на Андрея, но теперь во взглядах читалось уважение. Варвар прославился жестокостью и беспринципностью, попал за решетку за серию дерзких разбойных нападений и вымогательство. До сих пор в конфликтах с заключенными он неизменно выходил победителем.

На другой день Андрея привели к начальнику колонии. Он лично проводил допрос по ситуации с Варваром. Началь-

ник упивался властью над заключенным, разговаривал уничижительно, с презрением. Поняв, что ему ничего не удастся узнать от Андрея, принялся угрожать: мол, для таких насильников и убийц пребывание в колонии станет адом, если не согласится сотрудничать с администрацией колонии и не доносить на сокамерников. Андрей отказался. Ответом было предостережение: с этого момента он может завидовать покойникам — настолько страшное существование ему уготовано. Выплеснув эмоции на строптивного заключенного, начальник приказал конвоиру увести того в карцер.

Там и прошли следующие два дня. Андрей еще не успел как следует выздороветь — и попал в промерзшую камеру, больше напоминающую могильный склеп. Хотя и был слаб, старался чаще двигаться, чтобы не заболеть вновь, возможно, уже без шанса на выздоровление. К своему удивлению, Андрей отметил: испытания теперь не только не пугали, но скорее вдохновляли. Казалось, страдания помогают искупить вину — и от этого они приобретали особый смысл.

Двое суток в карцере были вечностью, и неприветливая камера показалась после возвращения мирным и уютным местом.

Тем временем начальник колонии продолжал исполнять свои угрозы. Все заключенные были обязаны работать на лесопилке. Андрея поставили на самый сложный участок — перетаскивать тяжелые бревна к огромной пиле, а после расщепления их на бруски складывать в кучу. Работа была связана с огромными физическими нагрузками. Андрей еще не окреп после болезни, но понимал: ни при каких обстоятельствах нельзя проявлять слабость, это делает и без того нелегкую жизнь невыносимой. Он держался,

а когда, казалось, силы его оставляли, вспоминал, почему он здесь, — и неожиданно чувствовал прилив энергии и готовность продолжать вопреки всему.

Вскоре Андрей столкнулся с мстительным характером главы исправительного учреждения. На утреннем построении двое дюжих охранников неожиданно отвели его в сторону и на глазах у всех показали, что достают из-за пазухи Андрея заточку. Сделали это столь виртуозно и профессионально, что не могло возникнуть сомнений: охранники выявили нарушителя, хранившего холодное оружие. Это была спланированная провокация. От неожиданности Андрей растерялся и не смог сообразить, как отреагировать. Охранники попытались сунуть заточку в его руку — вероятно, чтобы на ней остались отпечатки пальцев. Но он так сильно стиснул кулаки, что даже здоровенным амбалам не удалось их разжать. В своем усердии они еще умудрились и поранить его.

Организатор провокации был, разумеется, здесь же. Он закричал, что ношение холодного оружия тянет на новую статью, и приказал бросить нарушителя в карцер. На этот раз Андрея продержали в карцере почти неделю, даже не дав возможности промыть водой полученную рану.

К исходу третьего дня его вновь привели к начальнику. Тот сыпал угрозами, обещая наказать максимально строго. Андрей не произнес ни слова. Он знал от сокамерников, что начальство часто шло на подобные подтасовки. Главное — на них не поддаваться. Если даже возбудят уголовное дело, далеко не очевидно, что суд устроит пояснения администрации лагеря в качестве доказательств. Для рассмотрения дела Андрея могут перевезти в областной следственный изоля-

тор, а там он расскажет следователю, при каких обстоятельствах нашли заточку.

Поняв, что Андрей не пойдет на сотрудничество, начальник приказал отправить его в карцер, сказав: мучения прекратятся, когда он изменит решение. Андрея одолевали мрачные мысли. Казалось, карцер станет его могилой, и он уже никогда не выйдет отсюда.

Следующие три дня были невыносимыми. Андрей старался меньше думать о настоящем. Погружался в раздумья о прошлом, пытаясь в очередной раз понять, что именно могло сделать его преступником. Сильное опьянение способствует самым низменным инстинктам — но неужели он настолько испорчен, чтобы совершить подобное?

На рассвете седьмого дня дверь в карцер отворилась и молчаливые конвоиры отвели Андрея в камеру.

Потянулись долгие и однообразные дни тюремной жизни. Глава лагеря не забыл Андрею его несговорчивость и искал новые поводы испортить жизнь: ставил на самые сложные участки работы, лишал возможности что-то купить в тюремном ларьке. Однако провокаций вроде заточки больше не было.

Через несколько месяцев из лазарета вернулся Варвар. В камере он первым делом всех оглядел и, заметив того, кто стал причиной его длительного отсутствия, крикнул:

— Теперь ты покойник!

Андрей оставил выпад без ответа, но знал: такие люди слов на ветер не бросают.

Варвар попытался исполнить обещание в ту же ночь, почти в предрассветный час, когда заключенные спали са-

мым глубоким сном. Он подкрался к противнику и стал душить подушкой. Андрей мгновенно проснулся, но фактор неожиданности сыграл свою роль.

Ему стало трудно дышать. Варвар пытался сдерживать и руки, чтобы блокировать сопротивление. Когда Андрей почувствовал, что теряет сознание, вдруг явственно услышал чей-то знакомый голос:

— Змейка!

Это был сигнал к действию — в какие-то доли секунды вспомнилось, как в армии учили вырваться из крепких объятий противника: резко изогнув тело в стиле ползущей змеи. Андрей начал извиваться и уже через несколько мгновений почувствовал, что выбрался из смертельных объятий Варвара.

Не давая ему опомниться, он нанес серию ударов в голову и туловище. Тот явно был готов к сопротивлению — с размаху ударил Андрея ногой. Андрей с грохотом отлетел на нары и почувствовал сильную тупую боль в спине от столкновения с железом кровати.

Игнорируя боль, кинулся в контратаку, ударив Варвара кулаком в грудь. Тот в ответ замахнулся, готовясь нанести новый удар, но неожиданно побледнел и медленно сполз на бетонный пол. Андрей молча стоял над поверженным противником. Вокруг него собрались проснувшиеся от ночного переполоха сокамерники, наблюдавшие со страхом и нескрываемым уважением за только что произошедшей на их глазах битвой титанов.

Варвар начал приходить в себя, открыл глаза, с трудом приподнялся — и вдруг стремительно вытянулся во весь рост. Он приготовился продолжать, но тут между ними

встал Шрам. Он обратился к Варвару, но эти слова должны были слышать все:

— Он тебя добывать не стал, хотя мог. Ты тоже его больше не тронешь.

Даже в предрассветном сумраке отчетливо виделось, как на лице Варвара заходили желваки, глаза налились кровью, но перечить Шраму он не стал.

На этом инцидент был исчерпан, но Варвар еще больше возненавидел противника и затаил злобу. Он явно искал подходящий момент, чтобы отомстить, но Андрей старался избегать провокаций, и со временем вражда стала не столь очевидной.

Прошло больше двух лет в колонии и почти три года после возвращения Андрея из армии. Заключенные стали относиться к нему с почтением, многие даже пытались установить дружеские отношения. Однако Андрей мало общался с другими, получив за свою замкнутость прозвище Отшельник.

Он продолжал выполнять тяжелую работу на лесопилке — на самом опасном и тяжелом участке, предполагающем огромную физическую нагрузку. Вероятно, начальство надеялось, что изнурительная работа сломает Андрея. Но его даже радовало, что постоянное физическое напряжение отодвигало на второй план душевные переживания. За прошедшие годы память о преступлении не померкла, сердце все так же сжималось от беспросветной тоски, стоило ему подумать, что натворил. Внутренний голос постоянно спрашивал: что ты сделал, чтобы заслужить хоть какое-то искупление своей вины?

Особенно непереносимо было получать редкие письма от матери и сестры — они невольно возвращали воспоми-

нения к случившемуся в доме Потапа. От писем веяло холодом и отчуждением, они сильно отличались от весточек, которые приходили ему в армию. Будто мама и сестра давали знать о себе по понуждению, словно их заставили, и им пришлось подчиниться. Это тяготило Андрея намного больше, чем перипетии тюремной жизни.

Его очень тревожило сильно пошатнувшееся здоровье матери. За короткий срок она фактически стала инвалидом, не выходила из дома. Алине, не вышедшей еще из беззаботного детского возраста, приходилось после школы подрабатывать на почте, помогая сортировать письма и посылки, получая за это сущие копейки. Никакой возможности помочь родным или как-то приободрить их у Андрея не было, это давило на сознание ничуть не меньше, чем страшные воспоминания.

Как и многие, оказавшиеся в заключении, Андрей ощутил потребность в вере. Полученное от матери Евангелие стало настольной книгой, ее он перечитывал по несколько раз, увидев в ней не только ответы на мучившие его вопросы, но и утешение.

Неожиданно Андрей оказался вовлечен в водоворот стремительно развивающихся событий, которые привели к новым кардинальным переменам в жизни. Хотя он старался держаться особняком, это не спасло его от втягивания в серьезный конфликт между Шрамом и еще одним криминальным авторитетом, Деканом. Свое прозвище тот получил еще при первом попадании за решетку, ограбив квартиру декана исторического факультета. Декан и Шрам обладали примерно одинаковым весом в уголовном мире,

каждый руководил группировками, будучи на свободе, а теперь управлял группой приверженцев из числа осужденных. Достаточно долгое время им удавалось мирно сосуществовать и избегать серьезных конфликтов.

Как-то одного из ближайших сподвижников Декана посадили в карцер. Тот решил, что основанием стал донос подопечного Шрама. Декан потребовал от Шрама жестоко наказать подозреваемого, а тот запросил доказательств вины. Декана такие отговорки не устроили, он поручил избить предполагаемого доносчика, а его подопечные с особым пристрастием исполнили задание своего босса. Избитый через день скончался, так и не придя в сознание.

Шрам посчитал действия Декана выпадом и назначил встречу для серьезного разговора. Разбирательство происходило на складе древесины, с каждой стороны участвовали человек по пятнадцать. Декан и Шрам громко разговаривали, стоя в нескольких метрах друг от друга, а чуть поодаль, за спиной каждого, расположились группы поддержки. Обменявшись обвинениями, Шрам и Декан практически одновременно выхватили заточки и бросились друг на друга, но Шрам несколько опередил противника. Спустя мгновение Декан застыл и стал медленно оседать. Он выронил заточку и обеими руками схватился за живот, сквозь пальцы сочилась кровь. Помощники Декана понесли его в сторону тюремного лазарета, а главный участник избивения погибшего доносчика, считай, правая рука Декана, крикнул, что за кровь придется ответить.

Ранение Декана оказалось сильным. Тюремный врач боролся за его жизнь, но без полноценной медицинской помо-

щи, которую получить здесь было просто негде, шансы оказались невысоки.

Шрам понимал, что конфликт не исчерпан, предпринимал меры предосторожности и передвигался по колонии только с охраной из числа верных ему заключенных. Но этого оказалось недостаточно.

Однажды он со свитой появился на территории лесопилки. В какой-то момент его окружили люди Декана, которые смогли обезоружить охранников Шрама и уложить всех на землю, приставив к горлу каждого лезвие. Все, кто работал на лесопилке, поспешили ретироваться. Андрей укладывал большое бревно в сток и предпочел завершить начатое, а не следовать за остальными.

Шрам очутился в западне. Намерения противников были очевидны. Загнанный в угол, как дикий зверь, Шрам достал нож-бабочку и, держа его на вытянутой руке, стал размахивать во все стороны. Андрей понял, что силы не равны и сейчас ничто не поможет бывалому авторитету. Он вдруг вспомнил, как Шрам оказал ему покровительство в конфликте с Варваром, был ему за это благодарен и понял, что пришел черед отплатить за помощь.

Действие разворачивалось у кладки крупных бревен, сложенных штабелями. На самом верху Андрей как раз закреплял мощную корабельную сосну — он и еще несколько занятых на лесопилке заключенных только что обработали ее и с большим трудом смогли поднять.

Андрей начал раскачивать бревно, которое всего за несколько минут до этого пытался уложить в сток. Огромная деревянная балка заходила ходуном, а затем накренилась

и с диким грохотом покатилась, создавая деревянную лавину. От оглушительного шума все замерли и, увидев несущиеся в их сторону неуправляемые мощные бревна, тут же кинулись врассыпную.

Андрей в последнее мгновение сумел спуститься с противоположной стороны разрушающейся на его глазах горы, где и попал в поле зрения противников Шрама. Они были озлоблены: их блестящий план так неожиданно сорвался. Теперь у Андрея появились враги куда посильнее Варвара, а значит, его жизни угрожала серьезная опасность.

Андрей ухмыльнулся: мечтал сделать что-то большое и правильное, чтобы искупить грех, а спас от гибели преступника — не исключено, что придется еще пожертвовать своей жизнью.

Спустя час на лесопилке вновь появился Шрам, на этот раз уже с усиленной охраной. Отозвав Андрея в сторону, он поблагодарил его, отметив, что такое не забывается, и одобрительно похлопал по плечу. Андрей понимал, что причиной визита стали совсем не слова благодарности, Шрам хотел еще о чем-то поговорить.

И действительно, Шрам оглянулся по сторонам, а затем доверительно рассказал, что ситуация по конфликту с Деканом стремительно усугубляется. Выяснилось, что погибший участник банды Шрама действительно сотрудничал с администрацией колонии. Более того, оказался замаскированным сотрудником правоохранительных органов, внедренным для сбора компрометирующей информации.

Поэтому в глазах авторитетных представителей криминального мира поступок Шрама считался порочащим, и те-

перь ему неизбежно придется ответить за кровь Декана. Ситуация усугублялась тем, что Декан находился в критическом состоянии. Ему срочно требовалась квалифицированная медицинская помощь, которую в заброшенном в таежные леса исправительном учреждении никто оказать не сможет, а дорогу в несколько сотен километров до областного центра он вряд ли выдержит. А значит, Декан обречен, и жить ему в лучшем случае оставалось несколько дней.

Положение Шрама становилось отчаянным. Нужно срочно что-то предпринимать.

Внимательно слушая собеседника, Андрей думал: зачем Шрам ему это рассказывает, в чем причина такой откровенности? Оказалось, в лагере уже известно, что именно Андрей предотвратил расправу над Шрамом. Приспешники Декана жаждут и его крови тоже. Ближайшие несколько дней они ничего предпринимать не станут, но, если Декан умрет, первой жертвой станет Андрей. Они в одинаковом положении, и единственный выход — побег.

Оказавшись на воле, Шрам планировал направиться в Москву, заручиться поддержкой криминальных авторитетов и предотвратить смертный приговор, который ему могут вынести на воровской сходке. Он, оказывается, давно готовился к побегу, задолго до конфликта с Деканом, теперь события заставляют торопиться.

На воле в захолустном городке Шрам был, что называется, царь и бог. Там сумел собрать большую группировку из числа бывших спортсменов и заключенных, заставив работающих в городе коммерсантов и торговцев платить дань. Группировка славилась дерзостью и нетерпимостью

к конкурентам. Но после ареста Шрама внутри нее вспыхнула настоящая кровавая война за контроль, это привело к расколу и серьезной утрате влияния. Вынашивая планы побега, Шрам первоначально надеялся вернуться и возродить былое величие, объединив оставшихся в живых друзей и сподвижников.

Он давно продумал побег, провел подготовку, но никак не решался перейти к реализации: в плане были изъяны, шансов на успех процентов тридцать-сорок, не больше. Сейчас же времени на размышления не оставалось. Шрам сформировал из числа наиболее преданных приспешников небольшую команду, которая должна помочь в организации мероприятия. В эту команду он и пригласил Андрея, задав вопрос, не предполагающий отрицательного ответа: ты с нами?

Андрей мог ожидать всего чего угодно от этого разговора, но не был готов к такому предложению. С одной стороны, у охранников колонии на случай побега есть негласная инструкция стрелять на поражение, а значит, подобная авантюра может оказаться равносильной смерти. Даже если удастся выбраться за тюремные стены, совсем не факт, что получится выжить, преодолевая сотни километров тайги. Местность дикая, на десятки километров ни одного поселения, зато великое множество медведей, которые после зимней спячки голодны и готовы растерзать любого, кто встретится.

Однако... это хотя и эфемерный, но все-таки шанс очутиться на свободе, сделать что-то во исполнение своей новой цели, попытаться помочь людям, которым принес столько горя и разочарования. В случае побега шансы невелики,

но они хотя бы есть. В колонии ему не избежать заточки в спину...

Несколько секунд потребовалось Андрею, чтобы принять решение. Он кивнул. Шрам дружески похлопал его по плечу и сообщил детали.

В побеге будут участвовать восемь человек, но кто именно, Шрам не стал говорить: Андрей узнает об этом в последний момент. Сигналом станет искусственно созданный пожар на лесопилке. В клубах дыма легче спрятаться от зоркого взгляда надзирателей на вышках и незаметно пробраться к пятиметровой бетонной стене, опоясывающей территорию колонии.

Несмотря на неприступный вид этой стены, у нее был изъян: столбы, к которым крепились бетонные перегородки, поизносились и местами даже покачивались. За неделю до этого сильные дожди заметно подмыли основание одного из столбов, он даже немного просел. Именно здесь Шрам закрепит тротилловую шашку и, воспользовавшись суматохой при пожаре, устроит взрыв, в результате которого образуется небольшой проем в стене.

Каким-то невероятным образом Шрам сумел раздобыть маленькую 75-граммовую тротилловую шашку. Правда, непонятно, сможет ли она проделать такую дыру, чтобы пролез человек. Именно поэтому Шрам долго откладывал на потом реализацию своего дерзкого плана, надеясь, что раздобудет больше взрывчатки и уже тогда стена точно не устоит. Но теперь будут исходить из того, что есть.

Побег запланировали на следующий день. Шрам предупредил, чтобы Андрей, направляясь на работу, взял самые

ценные вещи, а также сказал, что Андрею придется нести рюкзак с едой.

История с побегом была столь неожиданной, что Андрей не мог поверить в ее реальность и не успевал в полной мере осознать, на что он согласился. Почему-то в глубине души считал, что принял правильное решение.

На другой день настал час X. Следуя инструкциям Шрама, Андрей старался все время быть неподалеку от стены, не упускал из поля зрения рюкзак, запрятанный в штабелях бревен.

Почувствовав запах дыма, Андрей понял: началось. Напарники в страхе побежали с лесопилки, растерянные конвоиры пытались навести какой-то порядок во всей этой кутерьме. Андрей забрал рюкзак из тайника и спрятался, ожидая момента взрыва.

Стало трудно дышать. Созданный как прикрытие, пожар стремительно распространялся и перекинулся на разбросанные повсюду стружки, они мгновенно вспыхивали, выделяя клубы черного едкого дыма. Но взрыва почему-то не было.

Андрей уже начал переживать — вдруг что-то пошло не так и побег останется нереализованным проектом. Взрывчатка могла отсыреть... Когда Андрей приготовился покинуть свой пост, не в силах уже дышать, вдруг раздался громкий хлопок.

Столб накренился, увлекая за собой фрагмент стены. Он было упал, но неожиданно замер. По стене пошли трещины. Но взрывчатки оказалось недостаточно, чтобы разрушить опору или проделать дыру в стене.

Андрей оглянулся и увидел за собой тачку с какими-то мешками. Схватившись обеими руками, он разогнал тачку и пошел на таран. Это было отчаянное решение. Но удача оказалась на его стороне: вероятно, как раз такое небольшое усилие и требовалось чтобы столб отклонился еще немного и с грохотом обвалился, увлекая за собой пролет, поднимая облако пыли и грязи.

Андрей прыгал по обломкам упавшей стены, пытаясь выбраться за территорию колонии, когда увидел рядом с собой Шрама и еще шестерых заключенных. Они, затаившись, ждали неподалеку, а теперь рванули за пределы ненавистных тюремных стен.

Среди прочих Андрей заметил и Варвара, который был практически впереди, даже немного опережал Шрама. Понесся звук автоматной очереди, и Андрей краем глаза заметил, как двое беглецов упали, словно подкошенные. Никто не стал останавливаться, с утроенной силой все пытались оказаться на безопасном расстоянии от сторожевой вышки, откуда стрелял часовой.

Раздался пронизывающий звук сирены. Их слишком быстро хватились — значит, погоня направится в ближайшие минуты. Добраться до леса! Скрыться в таежной чаще!

По-прежнему слышались автоматные очереди, но они отбежали от вышки на большое расстояние, и пули свистели где-то далеко позади. Все вокруг в дыму, охранникам нелегко прицельно рассмотреть убегающих, стреляют скорее наугад. Но часовой сумел попасть еще в одного: Андрей услышал громкий вскрик позади, обернувшись, увидел, как человек упал, не добежав совсем немного до спасительной опушки.

ГЛАВА 4

Как только беглецы оказались в лесной чаще, Шрам прохрипел:

— Давайте за мной! — и, резко свернув вправо, побежал вдоль опушки, оставаясь прикрытым плотным массивом деревьев и кустарников.

Андрей бежал вслед за ним, чуть впереди семенил Варвар, время от времени бросая в сторону Андрея взгляды разъяренного волка. Сзади их догоняли еще двое заключенных. Одного из них Андрей не знал, но по виду это отпетый уголовник. А вторым он был в немалой степени удивлен. Прихрамывая и поругиваясь, за ними следовал Топор, грузный мужчина лет тридцати, который не входил в число сторонников Шрама, предпочитал тихо отсидеть срок, не влезая ни в какие передраги и особо не высовываясь.

Два года в колонии научили Андрея понимать: такие люди, как Шрам, случайных попутчиков в команду не возьмут — у каждого своя роль. И Топор, вероятно, потребо-

вался, но на ум не приходило, чем он так полезен. Внезапно Андрея осенила страшная догадка, какая судьба могла быть уготована их случайному соучастнику. Он еще раз задумался, насколько опасна предпринятая ими авантюра. Даже если их не поймают погоня, не факт, что они смогут преодолеть почти две тысячи километров до большой земли, а особенно добраться до обжитой территории в этом составе. Кто-то вполне может стать жертвой голодных и обозленных преступников, если в пути не удастся добыть пропитания.

Скоро Андрей понял, почему Шрам выбрал эту дорогу. Беглецы подошли к краю обрыва, внизу текла стремительная речка.

— Быстро в воду, — скомандовал предводитель, и вся команда, скатившись с обрыва, зашла по колено в быстрый поток.

Было достаточно жарко для непредсказуемой северной весны, но вода обжигала ледяным холодом. Глинистое речное дно обтягивало ноги, не давая возможности не то что бежать — даже передвигаться быстрым шагом. Однако это была единственная возможность запутать следы и не позволить собакам взять след.

Беглецы долго шли по речному дну, а когда Андрей уже почти не чувствовал ног, Шрам вышел на берег и указал жестом следовать за ним. Сделав пятиминутный перерыв и немного отдышавшись, все пятеро теперь уже бывших заключенных направились дальше. Они продолжили путь по лесной чаще, хотя и не уклонялись далеко от реки, чтобы при первой же опасности вернуться в ее спасительное лоно.

Долго пробирались между корабельными соснами и плотной таежной растительностью. Несмотря на позднее время, полная луна так ярко светила, что они могли продолжать путь. Шрам был неутомим, стремился увести путников как можно дальше от колонии, понимая, что чем дальше они сумеют пройти, тем шире будет ареал поиска, а значит, и меньше риск быть пойманными.

Когда идти совершенно не осталось сил, Шрам командовал сделать привал. Расположились на ночлег, соорудив из хвойных веток спальные места. Из рюкзака Шрам вытащил пару банок тушенки и полбуханки хлеба, распределил провиант в равных долях между всеми и командовал спать. Топору приказал пару часов постоять на дежурстве. Затем его должны были сменить сначала Андрей, потом Варвар и пятый оказавшийся с ними попутчик, к которому Шрам обратился, назвав Американцем.

Лежанки оказались неудобными, но от усталости и переживаний Андрей мгновенно заснул. Топору потребовалось немало усилий, чтобы два часа спустя растолкать Андрея для смены на вахте. Он долго не мог прийти в себя и понять, почему спит не в темной и грязной камере, а под открытым небом в таежном лесу.

Заступив на пост, Андрей долго боролся с желанием заснуть. Армейская закалка позволила на какое-то время справиться с силами. Чтобы вновь не тянуло в сон, он стал прислушиваться к звукам ночного леса. Но в какой-то момент усталость все-таки победила, и Андрей сам не заметил, как задремал. Сквозь сон он отчетливо слышал, что кто-то тряс его за плечи и твердил: беги, они слишком близко!

Вскочил с места. Никого рядом с ним не было, и не ясно, кто мог его предостеречь. Но где-то вдалеке слышался нарастающий гул. Он сначала принял его за звук водопада, но Андрей понял: это был шум приближающегося вертолета. Судя по всему, преследователи вычислили, в каком направлении идут беглецы.

Он разбудил остальных. Те не сразу осознали, что происходит. До Шрама первого дошло, что гул шел от лопастей вертолета. Он жестом скомандовал идти за ним. Андрей ждал, что Шрам потребует вновь лезть в речку, но он углубился в лесную чащу. Было непонятно, почему Шрам решил изменить направление — ведь легко заблудиться и сгинуть в этих северных лесах.

Однако Шрам явно знал, чего хочет, и уверенно шел в самую гущу леса. Вертолет стремительно приближался, уже кружил над местом, где еще недавно спали беглецы. Они прошли километров тридцать от лагеря, погоня шла по следу, и только благодаря случайности им удалось вновь ускользнуть.

Они углублялись в лес, а густые кроны деревьев надежно закрывали их от обзора сверху. Вертолет продолжал кружить где-то совсем рядом, но участники побега практически бежали вдале от этого места, и вскоре звук винта стал слышен далеко позади. Они двигались в том же темпе несколько часов, не останавливаясь ни на минуту, пока звуки преследования окончательно не смолкли. Только тогда Шрам разрешил сделать небольшой привал.

Шрам изначально планировал идти вдоль реки, которая через несколько сотен километров должна была вывести их

к обжитым местам, где уже можно раздобыть пропитание и, возможно, сменить тюремную робу на гражданскую одежду. Изменение маршрута позволило им скрыться от следователей. Но они заблудились — да так, что невозмутимый и всегда сдержанный Шрам не смог этого скрыть.

Они так шли почти неделю, а вокруг простиралась все та же малопроходимая лесная чаща без намека на присутствие человека. Это был утомительный путь с небольшими передышками и короткими остановками. Несмотря на свой совсем уже не юный возраст, Шрам оставался неутомим и практически не давал времени на отдых, все время стремился вперед. Но с каждым днем и он становился все менее уверенным, долго раздумывал, прежде чем выбрать направление. И хотя никто не рискнул спросить Шрама, насколько тот хорошо представляет дальнейший маршрут, стало очевидно, что они двигаются наугад.

У них закончились припасы. Ели грибы и ягоды. Сил на дорогу тратили много, голод нарастал. Можно было попытаться охотиться на диких зверей, но пришлось бы задержаться на одном месте, вырыть пару глубоких ям под капкан и терпеливо ждать, пока зверь попадетсЯ.

Шрам не планировал задерживаться. Он понимал: с каждым днем у участников побега возрастает недовольство, которое пока удавалось сдерживать благодаря длительным и изнурительным переходам. Стоило дать возможность передохнуть — и начнут одолевать мысли о том, кто их завел в эти бескрайние лесные дали. А дальше может встать вопрос о смене лидера.

Во время очередного привала Варвар по надуманному предлогу придрался к Топору и стал его провоцировать. Топор, хотя и отличался крупной комплекцией, оказать отпор Варвару был не способен. Он предпочел не раздувать конфликт и не реагировать на выпады.

А Варвар еще больше раззадоривался, в какой-то момент вскочил и направился к Топору, в его руке блеснуло лезвие. Топор попятился и, оказавшись рядом с Андреем, начал озираться по сторонам, в его глазах читались страх и отчаяние.

Шрам и Американец внимательно наблюдали за происходящим и не вмешивались. Андрей понял, что это спланированное представление.

Топор остановился и стал что-то тихо шептать. Андрей понял: читает молитву. Возможно, Топору стоило попробовать сбежать, но он, подобно жертве, находящейся под гипнозом кобры, замер в ожидании ужасной участи.

Андрей встал на пути Варвара и перегородил ему путь, при этом настолько резко вышел навстречу старому противнику, что тот опешил и на несколько мгновений остановился в недоумении. Варвар оглянулся на Шрама, словно ожидая поддержки. Было очевидно, что Шрам тоже смущен действиями Андрея.

— Не вмешивайся, это их разборка, пусть сами решат, кто прав, — скомандовал он Андрею. Но тот даже и не подумал пошелохнуться. Сидевший в отдалении Американец подошел к месту противостояния и достал заточку. По всему стало видно, что перевес явно на стороне Шрама и его команды.

Андрей, чеканя каждое слово, сказал, обращаясь к Варвару, но подразумевалось, что главным адресатом был именно Шрам:

— Я знаю, почему ты хочешь убить Топора, но не допущу этого. Мы можем задержаться всего на день, у меня хороший опыт выживания в экстремальных условиях. Я органирую несколько ловушек для диких зверей. У нас появится еда. Мы доберемся до большой земли.

Варвар еще раз посмотрел на Шрама в ожидании команды. Но Шрам молчал. В его планы явно не входила смерть Андрея, который совсем недавно спас его от гибели.

Немного подумав, Шрам ответил:

— Иди, я даю тебе два часа, ни минутой больше. Не успеешь принести нормальной еды — Варвар решит конфликт с Топором. Успеешь — Варвар Топора не трогает. — Увидев недоверие и сомнение в глазах Андрея, Шрам скомандовал: — Время пошло.

Андрей понял, что это единственный шанс. Шрам и так пошел на уступку, под вопрос мог быть поставлен его авторитет. Он успокоил Топора:

— Не переживай. — И устремился вглубь леса.

Андрей думал, как в такие короткие сроки и без оружия суметь поймать дикого зверя. Вырыть яму под капкан точно не успеет, а пытаться убить крупного лесного обитателя дубовой палкой, которую использует вместо посоха, слишком наивно.

Неожиданно он услышал звук, напоминающий рычание и чавканье одновременно. Стараясь двигаться бесшумно, последовал в том направлении, откуда доно-

сились звуки. Метров через сто занял наблюдательную позицию и в ближайших зарослях увидел, как на лесной поляне угощался медведь. Судя по размеру, угощением мог быть кабан.

Медведь лакомился долго и обстоятельно. Андрей ожидал неподалеку, пока тот закончит. Он понимал всю опасность контакта с диким зверем. В лесах возле Александровска водились медведи, и встреча безоружного человека с хищником обычно заканчивалась трагически. К тому же прозванный в простонародье ласково Михайло Потапыч, вопреки устоявшимся стереотипам о своей неповоротливости, мог бегать куда быстрее человека.

Однако сейчас это был единственный шанс помочь Топору. Съесть целого кабана за один раз не под силу даже медведю, а значит, если тот уйдет, можно забрать остаток трапезы с собой. Этого вполне хватит для питания всех участников побега на три-четыре дня.

Судьба отблагодарила Андрея за терпение. Насытившись, медведь ушел, оставив недоеденной добычу. Андрей, озираясь, вышел из своего убежища, крадучись приблизился к месту пиршества.

Теперь уже сложно сказать, что это был когда-то кабан, — так сильно покромсал медведь тушу. Однако задние ноги оставались нетронутыми, и Андрей решил забрать их с собой. Но отделить заднюю часть туши без ножа оказалось делом нелегким. Он минут пятнадцать пытался справиться с этой непростой задачей, прежде чем ему это удалось. Взвалив тяжелую ношу на спину, изможденный, но внутренне довольный собой Андрей направился в обратный путь.

Он неплохо ориентировался в лесу, но в этот раз почему-то заплутал и не сразу нашел место привала. Вернувшись, застал картину, достойную фильма ужасов: Варвар раздвигал тело Топора, успев к тому моменту отрезать голову и ноги. Андрей подошел к Варвару — тот, как заправский мясник, сидел на корточках, ловко орудуя ножом.

Андрей с силой швырнул тушу кабана прямо в Варвара, попав ему в затылок. Тот вскопился от неожиданности и боли и, выставив вперед нож, двинулся на Андрея. Но его окликнул Шрам:

— У вас будет возможность разобраться раз и навсегда, но не здесь и не сейчас. Когда мы доберемся до места. — Потом, обращаясь уже к Андрею: — Ты вернулся с добычей, но опоздал. Договаривались, что обернешься за два часа. Топор в любом случае был обречен, для того его и взяли. Успокойся. Сейчас соорудим костер и поджарим кабанятину. Потом дальше в путь.

Андрей внимательно посмотрел на Шрама. В этот момент он ненавидел его всеми фибрами души, желал его уничтожить даже больше, чем Варвара. Именно Шрам стал инициатором гибели Топора, Варвар — лишь орудие убийства. Но у Шрама мощная, вооруженная ножами группа поддержки, одолеть их без оружия практически невозможно.

Он молча развернулся и направился в чашу за дровами. Предпочел не раздувать конфликт здесь и сейчас, но мысленно готовился к новому раунду противостояния с Варваром.

Наскоро пожарив на костре остатки кабана, беглецы направились дальше. Во время трапезы они сидели молча. Варвар сверлил взглядом Андрея. Его главной задачей стало

убить противника, и он во что бы то ни стало постарается реализовать этот план.

Так прошло еще несколько дней пути. Стало понятно, что они двигались в верном направлении: таежный лес сменился более разнообразной растительностью, один раз им даже довелось наткнуться на тропу, явно вытопанную человеком.

Во время очередного ночного привала Андрею впервые за все время во сне явилась Анна. В сновидении она выглядела на несколько лет старше, чем когда он видел ее в последний раз, и была облачена в белое платье, похожее на одеяние жительниц Древней Греции. Увидев девочку, Андрей опустился перед ней на колени и стал повторять как завоженный: что сделать, чтобы загладить свою вину? Анна пристально посмотрела на него и сказала: «Семь испытаний ждет тебя. Когда преодолеешь последнее, сам сможешь ответить на свой вопрос. Скоро одно из них — посмотрим, на что ты готов, чтобы моя судьба не повторилась».

С последними словами ее силуэт стал растворяться и вскоре полностью исчез. Андрей открыл глаза и долго не мог понять, был ли это сон, или призрак невинно погибшей явился к нему в этом мрачном лесу. На душе ощущались и тяжесть, и благоговение. Он считал хорошим знамением, что образ девочки явился во сне — значит, что-то можно совершить во искупление грехов. Однако предостережение о семи испытаниях звучало устрашающе.

Беглецы продолжали двигаться навстречу цивилизации. Как-то вечером они наткнулись на одиноко стоящий дом, очень похожий на жилище лесника. Шрам отправился на разведку, обошел вокруг дома несколько раз, а затем загля-